

УДК 316.722

СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОН ФОРМИРОВАНИЯ ПОСТМОДЕРНИСТСКОГО ТИПА КУЛЬТУРЫ В БЕЛАРУСИ

Э. А. УСОВСКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются исторические, социальные, экономические условия формирования постмодернистского типа культуры в Беларуси, выявляются его границы и специфика. В качестве ключевой особенности эксплицируется национальный контекст постмодернистской культуры, суть которого репрезентирована в процессах генезиса и развития национального суверенитета, решения вопросов реставрации исторической памяти и идентичности. Отмечается актуальность постмодернизма как интеллектуального и художественного дискурса в деконструкции, осмыслении культурного прошлого и настоящего Беларуси. Представлен анализ исторических событий, в рамках которых были генерированы постмодерн и постмодернизм в республике.

Ключевые слова: постмодернистский тип культуры; Беларусь; исторические контексты; социальные контексты; суверенитет; национальный контекст; постмодернизм.

SOCIAL AND HISTORICAL BACKGROUND OF POSTMODERN CULTURE TYPE IN BELARUS

E. A. USOVSKAYA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The historical, social, economic contexts of the formation of the postmodern type of culture in Belarus are considered, its boundaries and specificity are identified. As a key feature, the national context of postmodern culture is explicated, the essence of which is represented in the processes of genesis and development of national sovereignty, solving issues of restoration of historical memory and identity. The relevance of postmodernism as an intellectual and artistic discourse in deconstruction, comprehension of the cultural past and present of Belarus is noted. The analysis of historical events, within the framework of which postmodernity and postmodernism were generated in Belarus, is presented.

Keywords: postmodern type of culture; Belarus; historical contexts; social contexts; sovereignty; national context; postmodernism.

Введение

Культура постмодерна по-прежнему является актуальной научной проблемой. Ее установки и характеристики во многом предопределили культуру XXI в. Понимание многообразия этнического, национально-культурного ландшафта, соблюдение прав и свобод личности, непринятие тоталитарных

Образец цитирования:

Усовская ЭА. Социально-исторический фон формирования постмодернистского типа культуры в Беларуси. *Человек в социокультурном измерении*. 2021;2:68–74.

For citation:

Usovskaya EA. Social and historical background of postmodern culture type in Belarus. *Human in the Socio-Cultural Dimension*. 2021;2:68–74. Russian.

Автор:

Элина Аркадьевна Усовская – кандидат культурологии, доцент; доцент кафедры культурологии, заместитель декана по учебной работе и международной деятельности факультета социокультурных коммуникаций.

Author:

Elina A. Usovskaya, PhD (cultural studies), docent; associate professor at the department of cultural studies and deputy dean for academic affairs and international affairs, faculty of social and cultural communications.

elina-rain@mail.ru

социально-политических форм жизни стали одними из основополагающих принципов мироустройства в настоящий момент. Формируясь одновременно с постиндустриальным информационным типом общества, постмодерн инкорпорировал многие его содержательные стороны – приоритет знаний, информации, услуг, благ, тенденцию к виртуализации реальности, феномен массовизации культуры и сознания личности, а также другие аспекты.

Ряд концептов и реалий культуры постмодерна были подвергнуты критике и пересмотру еще со стороны постмодернизма как направления интеллектуально-художественной рефлексии 1960–90-х гг. В настоящее время процесс деконструкции продолжается в виде отказа от некоторых «радикальных» версий философско-антропологической мысли постструктурализма или, наоборот, в форме критики постмодерна и постмодернизма за недостаточно всестороннее развенчание модерна.

Особое место в культурных исследованиях постмодерна занимают вопросы о его национальных контекстах. Для многих государств и культур постмодерн и постмодернистская рефлексия послужили, возможно, определенной основой для формирования собственных парадигм развития в условиях независимости и постколониализма. Белорусская культура задействовала некоторые идеи и ценности постмодерна и постмодернизма, интерпретировав их по-своему.

Временные и содержательные границы постмодернистской культуры в Беларуси

Временем появления постмодернистского типа культуры в Беларуси можно считать период второй половины 1980-х гг. Вопрос о сроках его завершения остается открытым. По мнению автора статьи, как более или менее самостоятельное явление постмодерн и постмодернизм продолжали существовать до начала 2000-х гг. Вероятна и другая трактовка верхней хронологической границы – середина 1990-х гг.

Определение временных рамок культуры постмодерна и постмодернизма в Беларуси осложняется их диффузным характером в целом, а также отличиями проявления в национальных формах культуры, особенно постсоциалистических и постсоветских, связанными с историко-политическими, мировоззренческими изменениями на рубеже XX–XXI вв. Эти трансформации для Беларуси оказались многовекторными, системными, обладали достаточно ярким (во всяком случае, в первое десятилетие своего генезиса) национальным характером.

Можно сказать, что белорусская культура застала последнюю фазу постмодернизма как интеллектуального и художественного явления и вошла в постмодерн как эквивалент постиндустриального информационного общества и культуры достаточно поздно. По этой причине, с одной стороны, перед социумом, интеллектуальным сообществом, массовой и популярной формами культуры стояли задачи усвоения, осмысления и переработки культурологической, философско-антропологической и научной мысли в целом, а также художественных моделей и практик. С другой стороны, республика нуждалась в системных экономических изменениях: радикальной постиндустриализации (возможно, одновременной индустриализации и постиндустриализации), информатизации, социальной реструктуризации, деидеологизации с последующим поиском новых идей, целей духовного развития, национальной идеи. Собственно, все сферы жизни человека и социума переживали по своей сути радикальные изменения.

В связи с этим автору представляется, что постмодерн и постмодернизм в реалиях второй половины 1980-х гг. и 1990-х гг. выполняли общие задачи, а критический характер белорусской версии постмодернизма, скорее, был направлен не на « пороки » общества постмодерна, а на его, скажем, недостаточно выраженное содержание и реализацию – медленные темпы социально-экономического развития, возвращение к советской культурной конфигурации, нивелированию национального контента. По этой причине постмодерн и постмодернизм в белорусской культуре фактически срачивались.

Контексты формирования постмодернистской культуры в Беларуси

Национальный контекст постмодернистской культуры в Беларуси был во многом обусловлен процессами десовиетизации и ростом национального самосознания. Именно этот социально-культурный аспект стал основой для появления и развития постмодернистского интеллектуального концепта, который был неразрывно связан с общей ситуацией социально-мировоззренческой и экономической деградации советского общества и культуры, наличием альтернативных форм мировоззрения, антикоммунистическим движением, а впоследствии критикой постсоветского типа развития Беларуси. Оказавшись краткосрочной, постмодернистская мировоззренческая парадигма не утратила своего значения и приобрела характер «блуждающей», актуальной для Беларуси и в настоящее время.

Середина 1980-х гг. как культурный локус коренных изменений отсылала к относительной либерализации советского общества 1960-х гг. Однако смыслы культурных поворотов этого периода и последующих десятилетий не стали основой для развития белорусской советской культуры. В то же время в некоторой мере они были инкорпорированы в культуру середины 1980-х гг. и культуру 1990-х гг. и составили определенный пласт постмодернистской культуры белорусского интеллектуального прочтения.

Экономическая ситуация, в которой оказались СССР и БССР к середине 1980-х гг., была вызвана рядом внутренних и внешних факторов, в числе которых следует отметить падение цен на нефть, выделение денежных ресурсов на гонку вооружений, неудачи реформирования колхозно-совхозной системы, административно-командное управление всеми отраслями экономики. Все это, как отмечает В. Ф. Голубев, привело к «скарачэнню вытворчасці ўласнай прадукцыі», а «...немагчымасць купляць неабходнае за мяжой прывяла да таго, што з продажу сталі знікаць тавары першай неабходнасці (пральны парашок, алей, прадукты харчавання і спажывання). Для простых людзей менавіта гэта стала асноўным паказчыкам крызісу савецкай палітычнай і эканамічнай мадэлі» [1, с. 71].

Период экономической стагнации и кризиса в СССР завершился перестройкой, которая, несмотря на предпринятые реформы, не смогла улучшить ситуацию и только ускорила процессы закономерной социально-экономической, политической, идеологической деструкции, приведшей в конечном итоге к распаду СССР.

Существенно усложнила социально-экономическое положение республики авария на Чернобыльской АЭС в апреле 1986 г. Радиоактивные осадки охватили многие государства. Однако наибольшее их количество (по оценкам специалистов, около 70 %) выпало на территорию Беларуси. По данным национального доклада Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь, «загрязнение территории Беларуси свыше 37 кБк/м² по цезию-137 составило 23 % от всей площади республики. Эта величина для Украины составляет 5 %, России – только 0,6 %, что свидетельствует о намного более сложных и тяжелых последствиях чернобыльской катастрофы для Беларуси по сравнению с Россией и Украиной» [2, с. 5].

Помимо вынужденного переселения людей с загрязненных территорий и экономических потерь, одной из наиболее существенных оказалась проблема здоровья населения, пролонгированная на многие годы: радиационное воздействие на республику не имело и не имеет аналогов ни по своему характеру, ни по масштабам, усугубление радиационных эффектов сопровождалось «разнообразными факторами социального, психологического и антропогенного происхождения» [2, с. 33]. Беларусь оказалась фактически один на один с проблемой ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС: из общесоюзного бюджета республика денежных средств так и не получила (по официальным подсчетам, требовалось не менее 235 млрд долл.) [1, с. 77].

Техногенная катастрофа и ее последствия обнажили те проблемы, которые свидетельствовали о глубинных кризисных явлениях советского типа общества и указывали на необходимость его системного изменения или, скорее, поиска новых содержательных форм и путей суверенного национального развития. По этой причине трагедия вызвала к жизни целое общественное движение – «Чарнобыльскі шлях», сущность и задачи которого выходили далеко за пределы собственно экологических или экономических вопросов. Первая акция, получившая название «Гадзіна смутку і маўчання», состоялась в апреле 1989 г., а масштабное шествие – 30 сентября. Впоследствии «Чарнобыльскі шлях» стал своего рода маркером общественных отношений, проблем национального развития, сознания и идентичности постчернобыльской и постсоветской реальности.

Среди факторов, оказавших влияние на характер белорусской версии постмодерна и постмодернизма, следует отметить и так называемый фактор фронта, который сыграл важную роль в формировании оппозиционных культурно-когнитивных моделей, созвучных ей. Имеется в виду интеллектуально-географическая близость БССР к европейскому культурному контексту. Советская система в Литве, Латвии, тем более социализм в Польше отличались вариативностью, возможно, отсутствием той жесткости, которая была присуща другим бывшим республикам СССР и странам соцлагеря. В любом случае они находились в более тесном контакте с мировым и европейским гражданским обществом. Это способствовало проникновению через железный занавес новейших художественных, литературно-философских, в том числе постмодернистских, течений. Их экстраполяция в поле белорусской культуры позволила определенной части общества критически воспринимать советскую догматику и реалии социалистического образа жизни.

В 1983 г. Европейский парламент принял резолюцию по так называемому вопросу прибалтийских государств, в которой осуждался факт аннексии как несоответствующий международному праву и обязательствам СССР по двусторонним договорам со странами Прибалтики и подчеркивалось международное непризнание аннексии. Этот документ сыграл значительную роль в развитии национальных

движений в Литве и Латвии. Деятельность и установки польского объединения независимых профсоюзов «Солидарность», литовской общественно-политической организации «Саюдис» во многом пересекались с таковыми белорусского национального возрождения и выражали общие социально-мировоззренческие паттерны.

Интеллектуальная мысль Беларуси второй половины 1980-х гг., с одной стороны, отражала общий фон либерализации, политики нового мышления и гласности М. Горбачева, с другой – была направлена на критику советской идеологии, культуры, которые рассматривались чаще всего как аналог массовой культуры и нередко как оппозиция формам национальной культуры. Социалистическая идеология всегда существовала параллельно с альтернативными формами мышления и культуры, диссидентским интеллектуальным «брожением», процессами формирования антикоммунистической оппозиции, так называемым непослушным искусством, культурой андеграунда в целом.

Ни постановления пленумов коммунистической партии и съездов, казавшихся достаточно радикальными для того времени, ни общий процесс демократизации не смогли бы стать реальностью без внутренней духовной работы «новой» молодежи, интеллигенции. «Вострае адчуванне “зрушанасці” гісторыі было выклікана не столькі зменай палітычнага курсу краіны на ўзроўні партыйных пленумаў, колькі шквалам аблічальна-выкрывальніцкай публіцыстыкі, што ўзняла на штандары словы “дэмакратыя”, “перабудова”, “галоснасць”»¹.

Собственно, сама духовная атмосфера того времени свидетельствовала о существовании мировоззренческой и социальной аномии в СССР и БССР. В данном случае в Беларуси она не приобрела типично мертоновского измерения, однако в определенной степени соответствовала ситуации, «когда система культурных ценностей превозносит, фактически превыше всего, определенные символы успеха, общие для населения в целом, в то время как социальная структура общества жестко ограничивает или полностью устраняет доступ к апробированным средствам овладения этими символами для большей части того же самого населения» [3, с. 309]. Можно сказать, что белорусское общество переживало системную девальвацию советских ценностей: возникшие иные духовные и социальные потребности вступали в конфликт с уже фактически неработающими социалистическими нормами.

Рельефнее всего это просматривалось в молодежной среде, которая как никогда была подвержена процессам гетерогенности, являлась образчиком социального расслоения и, как правило, представляла собой альтернативу модели строителя коммунизма. Интересы и потребности молодого поколения чаще всего не соответствовали запросам их родителей: инкультурационный разрыв был очевиден. Своего рода зеркальным отражением таких проблем (социальных, экзистенциальных, мировоззренческих, личностных, межпоколенческих и др.) стала культовая работа белорусского кинорежиссера В. Рыбарева «Меня зовут Арлекино».

Вторая половина 1980-х гг. – время создания в БССР общественных и политических объединений, художественных образований, цели и деятельность которых были связаны с поиском альтернатив советскому строю. В целом их установки и активность основывались на идеях национального возрождения, отсюда огромный интерес к истории и культуре рубежа XIX–XX вв., белорусскому ренессансу, глубинным пластам белорусской культуры, корням, уходящим в белорусскую древность, временам формирования и развития Великого княжества Литовского. Литературные и художественные объединения «Узгорак», «Паходня», «Світанак», «Тутэйшыя», «Талака», общественное движение «Белорусский народный фронт “Возрождение”», а затем политическая партия «Белорусский народный фронт», по сути, иллюстрировали необходимость культурно-исторических, духовных изменений, неразрывно связанных с демократизацией общества и выбором национального пути развития. В основном деятельность названных творческих и общественно-политических групп была направлена на реставрацию культурно-национальной памяти и языка, возрождение национальных традиций. Однако их неформальный характер, контркультурный по сути, репрезентировал размывание корпоративной системы советской партийной номенклатуры и формирование гражданского общества, являлся одним из звеньев в цепочке причин и событий, приведших к выбору независимости и суверенитета БССР.

Следует отметить, что культурфилософская критическая рефлексия чаще всего осуществлялась в научных, литературно-художественных кругах, что свидетельствовало о преемственности национального движения этого периода и национально-культурного возрождения рубежа XIX–XX вв., а также о важности, вневременности исторического и литературно-эстетического дискурсов. В то же время она являлась неотъемлемой частью общего процесса формирования антикоммунистической оппозиции: так называемое политическое вряд ли можно было отграничить от национального. Характерным свидетельством этого стал «Ліст 28-мі» (1986), подписанный известными историками, писателями, актерами

¹Кісліцына Г. Новая літаратурная сітуацыя: змена культурнай парадэгмы [Электронны рэсурс]. URL: <https://belcollegium.by/ganna-kislitsyna-novaya-litaraturnaya-situacyya-lekcyi-4-6> (дата звароту: 01.07.2021).

и художниками (В. Быков, Р. Бородулин, В. Витка, В. Конан, С. Станюта и др.) и адресованный М. Горбачеву. В нем были отражены, пожалуй, самые большие вопросы для нации: «Мы переживаем сложный период в истории белорусского народа, когда требуются решительные действия по спасению (именно спасению, ибо отдельные меры поверхностно-косметического характера положения не исправят) родного языка, родной культуры, а следовательно, белорусского народа от духовного вымирания» [4, с. 257]. Действительно, в отличие от большинства советских республик, для которых языковая проблема не стояла так остро, Беларусь столкнулась с явлением русификации и вытеснением национального языка на периферию.

Можно сказать, что в центре интеллектуально-философских и политических дискуссий большинства создававшихся в это время объединений оказались следующие значимые проблемы: ассимиляционные процессы белорусской культуры и национальной идентичности, языка; историческое прошлое; пути развития белорусского общества [5, р. 104–105]. Представители каждого из объединений обладали собственным видением ситуации и способов решения указанных проблем. Для многих философской основой становились структуралистские, постфрейдистские, постструктуралистские, в целом практически неизвестные и открываемые заново так называемые западные идеи и концепции, созвучные общей парадигме эмансипации и эгалитаризации личности и общества, а также собственные национально-духовные смыслы.

Особую роль в движении за возрождение историко-культурной памяти, языка, национальных традиций сыграло товарищество «Талака», которое с 1985 по 1989 г. являлось самым активным и влиятельным независимым молодежным объединением. Его деятельность включала и участие в археологических раскопках Верхнего города и Троицкого предместья (Минск), и возрождение памятных исторических мест, политические акции-митинги, в том числе в Куропатах.

Еще одним историко-культурным объединением, деятельность которого была связана с исследованием белорусской традиционной культуры, языка, реставрацией национальной памяти, возвращением в лоно белорусской культуры великих имен ее представителей, стало гродненское товарищество «Паходня» (1986), филиалы которого открывались в разных городах Беларуси. Синтез антикоммунистического движения с национально-культурным возрождением воплотился в программе и действиях историко-просветительского товарищества памяти жертв сталинизма «Мартыралог Беларусі» (1988).

Интеллектуальный критический поиск стал основой и для широкого круга молодых литераторов, создавших в 1986 г. объединение «Тутэйшыя», название которого отсылало как минимум к двум важнейшим коннотациям белорусской национально-культурной идентичности – отрицательной и положительной. Первая коннотация обращалась к пьесе-трагикомедии Я. Купалы «Тутэйшыя» и служила своего рода призывом к преодолению национальной разобщенности в ее «местечковой», сельской репрезентации, препятствующей целостности нации и национального самосознания. Вторая коннотация подчеркивала отличительность белорусов от поляков и русских, возможно стремясь снять устоявшийся и принявший форму архетипичного концепт «паміж».

В художественном пространстве появились и первые ростки арт-институций в форме галерейного движения. Творчество художников группы «Немига-17», деятельность галерей «Брама», «Пагоня», «Шестая линия», «Верхний город», «Жильбел», а также других столичных и нестоличных объединений свидетельствовали о слиянии или сочетании «классических» и андеграундных, трансавангардных, сюрреалистических, экспрессионистских и иных направлений. Однако гораздо важнее было то, что через художественный эксперимент осуществлялся поиск творческой манеры, языка современного белорусского искусства. Он оказался чрезвычайно многогранным, поскольку сочетал в себе «адметнасць», «беларускасць», образы и сюжеты разных национальных культур, существование которых было неотъемлемо от судьбы Беларуси.

Новый виток в развитии национального самосознания связан с процессами образования национального государства – обретением Беларусью независимости и суверенитета, принятием законов, их легитимирующих, формированием государственных институтов и символики, актуализацией белорусского языка и культуры, выстраиванием многогранных международных отношений и связей.

Ярко выраженная национальная константа первых лет после получения республикой суверенитета нашла воплощение и в интеллектуально-художественном дискурсе, общими задачами для которого оказались преодоление замкнутости, ограниченности его предметного и проблемного поля, наложенных тоталитарно-авторитарной эпохой, выход на мультикультурный диалог за пределы привычной среды советских стереотипов, сохранение актуальности традиционной, народной культуры, позволяющей восполнять пробелы не реализованной до конца этнокультурной и национальной идентификации.

Несмотря на меняющуюся парадигму цивилизационного развития второй половины 1990-х гг. (возможно, благодаря этому), полемика вокруг «национального» охватывала новые пространства и срезы культурфилософского сознания: на страницах культовых изданий «Літаратура і мастацтва», «Культу-

ра», «Наша ніва» продолжалась оживленная дискуссия о настоящем и будущем национальной идеи, самосознания, белорусского искусства.

Перед массовым национальным сознанием, нацией стояла острая проблема преодоления не только экономической деградации и кризиса, но и синдрома вторичности, характерного для постколониального сознания. В данном случае имеется в виду то влияние, которое продолжали оказывать, во-первых, структуры советского массового мышления, а во-вторых, схематическое, упрощенное восприятие европейских и общемировых ценностей. Не менее важным стал взгляд на самих себя, что называется, со стороны, а также диалог и с собственной историей, и собственной ментальностью. Поэтому критическая постмодернистская рефлексия (в частности, в духе М. Фуко и Ж. Деррида) пришлось как нельзя кстати, равно как и постколониальные исследования Э. Саида и Г. Спивак (правда, вряд ли известные в то время читателю). Вопрос о саморепрезентации стал вопросом о понимании себя в качестве нации и ее месте среди других наций. В связи с этим синдром вторичности, созвучный когнитивной конфигурации «между» или соответствующий идее незавершенности белорусской нации, должен был преодолеваться в культурфилософских и художественных дискурсах, что и делалось на протяжении всего периода 1990-х и в начале 2000-х гг. Роль социально-гуманитарных и художественных текстов в этом процессе была чрезвычайно высока. «Такие жанры культурной репрезентации позволяют увидеть, как колониальный опыт перерабатывается символически. В этих медиа, прежде всего в языке, наиболее четко сформировались формы сопротивления, собственной правомочности и “agency” со стороны постколониальных наций и субъектов» [6, с. 226].

Для интеллектуально-философских текстов, ставших текстами искусства второй половины 1990-х – начала 2000-х гг., постмодернистский дискурс оказался еще более привлекательным, поскольку предлагал широкий спектр экспериментаторских практик и тем для осмысления, что было значимо в ситуации смещения социально-идеологических акцентов. Постмодернистский юмор, ирония, игра в купе с дадаистско-сюрреалистическим наследием помогали на уровне символического и перформативного прочтения обнажить и оценить ту ситуацию и проблемы, с которыми столкнулись самые разные категории общества в Беларуси. Пожалуй, одним из лидеров постмодернистской культурологическо-художественной рефлексии явилось объединение «Бум-бам-літ» (1995). Тексты, в том числе акционизм, включенные в контексты творчества его представителей, выступили той самой формой сопротивления постколониальному мышлению, а возможно, и способом самоосмысления.

Возникновение объединения, разнообразного по авторской нарративности и манифестации, с одной стороны, и совместного, общего с точки зрения демократичности существования и высказывания, с другой стороны, воплощало витавшую в воздухе философско-эстетическую потребность в собственном постмодернизме или, очевиднее, в появлении духа новаторства и интеллектуально-художественного хулиганства. В белорусском интеллектуальном дискурсе должно было возникнуть что-то постмодернистское, соответствующее времени, ситуации алогичности и переходности. Этому оказался созвучен дискурс бумбамлитовца, тем более что «бумбамлітавец натуральны, “адпрыродны” постмадэрніст. Ён не выбірае постмадэрнізм з таго, што той яму падабаецца ці яшчэ з некай апрычнай вераемнасці. Бумбамлітавец проста не можа не быць постмадэрністам... Бумбамлітавец і постмадэрніст – браты-блізняты» [7, с. 5].

Литература, художественная теория и практика С. Минкевича, З. Вишнева, В. Жибуля, Ю. Борисевича, А. Бахаревича, И. Сина и многих других представителей объединения «Бум-бам-літ» – нелинейный жест в сторону демонтажа, деконструкции соцреализма, «советскости», «тутэйшасці», привычности и стандартности как в моделях повседневности, так и в художественных, интеллектуально-мыслительных дискурсах. Каждое их действие, высказывание было наполнено отсылками, цитатами и аллюзиями и порой рождало ощущение психоделической, сюрреалистической игры-абсурда, о чем свидетельствует создание групп «Тэатр псіхічнае неўраўнаважанасці», «Спецбрыгада афрыканскіх братоў», «Schmerzwerk». Знаменитый сборник стихов «Тазік беларускі» стал парафразами сборников «Смык беларускі», «Дудка беларуская», предложив свой собственный постмодернистский проект белорусской поэтической рефлексии.

Постмодернизм в его художественной и философско-культурологической парадигме приобрел устойчивую конфигурацию. Творчество Р. Вашкевича, А. Клинова, И. Тишина, В. Акудовича, А. Бахаревича и многих других авторов, объединений и групп создало внушительный пласт альтернативной культуры, предметом внимания которой остались как мировые проблемы, так и вопросы национального развития.

Заключение

Формирование и развитие постмодернистской культуры в Беларуси совпало с процессами распада социалистической системы, СССР, обретением суверенитета, выбором социально-культурного и цивилизационного пути развития. Постмодерн и постмодернизм в Беларуси обладали своей спецификой,

которая выражалась в симбиотическом характере их существования, решении задач суверенного развития. По этой причине именно национальный контекст оказался для белорусского постмодерна и постмодернизма особенно важным. Он был связан с проблемами постмодернизации экономического и социального пространства страны, демократизации, а также с созданием гражданского общества. Постмодернизм как интеллектуально-художественная версия постмодерна выступил в качестве критической художественной и культурфилософской рефлексии над феноменом «советскости», массового сознания и культуры, национальным вопросом. Постмодернистская культура Беларуси представила множество вариантов прочтения прошлого, настоящего и будущего собственной нации, задействовав коды мировой культуры, используя ведущие концепции и идеи культурфилософского знания.

Библиографические ссылки

1. Голубеў ВФ. *Гісторыя Беларусі ад заканчэння Другой сусветнай вайны да перыяду будаўніцтва незалежнай дзяржавы (1945–2017 гг.)*. Мінск: Зміцер Колас; 2017. 233 с.
2. Министерство по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь, Национальная академия наук Беларуси. *Чернобыльская авария: последствия и их преодоление. Национальный доклад*. Конопля ЕФ, Ролевич ИВ, редакторы. 2-е издание. Барановичи: Укрупненная типография; 1998. 102 с.
3. Мертон РК. Социальная структура и аномия. В: *Социология преступности (Современные буржуазные теории)*. Никифоров АС, Яковлев АМ, переводчики; Никифоров БС, редактор. Москва: Прогресс; 1966. с. 299–313.
4. Ліст 28-мі. Мінск, 15 снежня 1986 г. У: Бачышча Ю, укладальнік. *Гісторыя Беларусі найноўшага часу ў дакументах і матэрыялах*. Смалянчук А, рэдактар. Вільня: ЕГУ; 2008. с. 257–258.
5. Astrouskaya T, Liavitski A. «The phenomenon of culture is the phenomenon of bread»: the debate on culture in Belarus (1988–1991). *Baltic Journal of Art History*. 2020;19:101–128.
6. Бахманн-Медик Д. *Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре*. Ташкенов С, переводчик. Москва: Новое литературное обозрение; 2017. 504 с. (Интеллектуальная история).
7. Акудовіч В. Афрыка – радзіма тазікаў, альбо Я хачу ў Бум-Бам-Літ. У: Акудовіч В, Вішнёў З, Туровіч А, Бахарэвіч А, Барысевіч Ю, Сін І і інш. *Тазік беларускі*. Мінск: Бэрвіта; 1998. с. 4–10. (Бібліятэка Бум-Бам-Літа).

References

1. Golubew VF. *Gistoryja Belarusi ad zakanchjennja Drugoj susvetnaj vajny da peryjadu budawnictwa nezalezhnaj dzjarzhavy (1945–2017 gg.)* [History of Belarus from the end of the Second World War to the period of building an independent state (1945–2017)]. Minsk: Zmicer Kolas; 2017. 233 p. Belarusian.
2. Ministry of Emergency Situations of the Republic of Belarus, National Academy of Sciences of Belarus. *Chernobyl'skaya awariya: posledstviya i ikh preodolenie. Natsional'nyi doklad* [Chernobyl accident: consequences and their overcoming. National report]. Konoplya EF, Rolevich IV, editors. 2nd edition. Baranovichi: Ukrupnennaya tipografiya; 1998. 102 p. Russian.
3. Merton RK. [Social structure and anomie]. In: *Sotsiologiya prestupnosti (Sovremennye burzhuaiznyye teorii)* [Sociology of crime (Modern bourgeois theories)]. Nikiforov AS, Yakovlev AM, translators; Nikiforov BS, editor. Moscow: Progress; 1966. p. 299–313. Russian.
4. [Letter of 28. Minsk, 1986 December 15]. In: Bachyshcha Ju, compiler. *Gistoryja Belarusi najnowshaga chasu w dakumentah i matjeryjalah* [History of modern Belarus in documents and materials]. Smaljanchuk A, editor. Vilnius: European Humanities University; 2008. p. 257–258. Belarusian.
5. Astrouskaya T, Liavitski A. «The phenomenon of culture is the phenomenon of bread»: the debate on culture in Belarus (1988–1991). *Baltic Journal of Art History*. 2020;19:101–128.
6. Bachmann-Medick D. *Cultural turns. Neuorientierungen in den Kulturwissenschaften*. 2. Auflage. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag; 2006. 409 S. (Rowohlts Enzyklopädie; Tom 55675).
Russian edition: Bachmann-Medick D. *Kul'turnye povoroty. Noveye orientiry v naukakh o kul'ture*. Tashkenov S, translator. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2017. 504 p. (Intellektual'naya istoriya).
7. Akudovich V. [Africa is the birthplace of basins, or I want to go to Boom-Bam-Lit]. In: Akudovich V, Vishnjow Z, Turovich A, Baharjevich A, Barysevich Ju, Sin I, et al. *Tazik belaruskі* [Belarusian basin]. Minsk: Bervita; 1998. p. 4–10. (Biblijatjeka Bum-Bam-Lita). Belarusian.

Статья поступила в редколлегию 12.07.2021.
Received by editorial board 12.07.2021.